

Ю. А. Филонова

УДК 82

<https://orcid.org/0000-0001-9582-1888>

**Изображение внутреннего мира ребенка-инвалида в повести А. А. Лиханова
«Мальчик, которому не больно»**

Для цитирования: Филонова Ю. А. Изображение внутреннего мира ребенка-инвалида в повести А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 36-42. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-36-42

В статье впервые предлагается развёрнутое исследование особенностей психологизма в одной из последних повестей А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» (2009). Научная новизна и актуальность работы определяется и тем, что изображение внутреннего мира нового для А. Лиханова типа героя – ребенка-инвалида – еще не становилось предметом специального изучения в литературоведении.

Констатируя тот факт, что обращение к жизни ребенка-инвалида – достаточно редкая для детской и подростковой литературы тема, мы сопоставляем повесть А. Лиханова с произведениями Т. Ш. Крюковой «Костя + Ника =>» и Е. В. Мурашовой «Класс коррекции».

В отличие от произведений Т. Ш. Крюковой и Е. В. Мурашовой в повести А. А. Лиханова нет сентиментальности. Создается реалистичный образ ребенка, преодолевающего тяжелые испытания. Основу его характера составляет терпение. Одиночество, изолированность от внешнего мира, общества ровесников «переключают» героя на общение с книгами, природой, взрослыми членами семьи. Развитие воображение, внимание к обыденным вещам, размышление над ними позволяют ребенку увидеть интересное в самых незаметных и неожиданных для обычного человека предметах, явлениях. Наблюдательность, чуткость к проявлениям чувств окружающих людей, жизни природы расширяют границы его мира.

В повести использована прямая форма психологического изображения: герой сам раскрывает свой внутренний мир. Среди приемов психологизма следует выделить организацию повествования от первого лица; называние героем своих чувств и описание своих поступков, поведения, их мотивов; передачу внутреннего состояния через детали речи (в том числе внутренней), вещного мира, портрета, пейзажа; использование образов-метафор для передачи мысли и чувства); цветопись.

Ключевые слова: психологизм, А. А. Лиханов, формы и приемы создания психологизма.

Y. A. Filonova

**Description of a disabled boy's inner world in A. A. Likhanov's story
«The Boy who Feels No Pain»**

The article is the first one to present a complex study of the specific features of psychologism in one of A. A. Likhanov's recent stories – «The Boy who Feels No Pain» (2009). The inner world of a disabled boy – a hero type entirely new for the writer – has never been in the focus of previous literary research, which defines the novelty and relevance of the study in hand.

The author indicates that the life of a disabled child has rarely been used as the subject of literature for children and young adults. In this regard A. Likhanov's story can be put into comparison with «Kostya+Nika=>» by T. Sh. Kryukova and «Remedial Class» by E. V. Murashova.

In contrast to the works of T. Kryukova and E. Murashova, A. Likhanov's story is not sentimental creating a realistic image of a child facing most severe challenges. Patience is the core of his character. Loneliness as well as isolation from the outer world and peers makes him turn his attention to reading, communing with nature and communicating with adult family members. The boy's vivid imagination, scrutiny of and reflection on trivial matters allow him to see unusual and surprising things hidden from ordinary people's eye. His power of observation, empathy and sensitivity to nature expand the boundaries of the boy's world.

The writer uses a direct form of psychological characterization, where the boy himself is revealing his inner world. The psychologism techniques comprise first-person narration; hero's verbal expression of feelings, description of behaviour and its motives; indication of the state of mind through speech nuances (including inner speech), details of the material world, portraits and scenery; metaphors revealing thoughts and feelings; colour rendering.

Keywords: psychologism, A. A. Likhanov, forms and techniques of psychologism conveyance.

Значительным событием в творческой биографии А. А. Лиханова нулевых – две тысячи десятых годов стала публикация повести «Мальчик, которому не больно» (2009). Повесть продолжает основную тему творчества Лиханова – трагедии детства. Как и герои других произведений писателя, герой «Мальчика, которому не больно» сталкивается со злом, предательством, равнодушием. Однако к этим испытаниям добавляется еще одно: неизлечимая болезнь. Лиханов создает тяжелейшую сюжетную ситуацию: на маленького Мальчика, больного детским церебральным параличом, не чувствующего ног, жизнь обрушивает еще удар – мать оставляет семью, чтобы родить ребенка в новом браке. Такого потрясения не выдерживают и взрослые члены семьи: Папа погибает в аварии, Бабушка попадает в больницу с тяжелым сердечным приступом. Но оставшийся в одиночестве ребенок не только выживает в мучительных условиях интерната, но и обретает чувствительность ног, а с ней – надежду на лучшее.

Что же помогает выстоять в такой ситуации? Каким видит А. Лиханов внутренний мир, психологию ребенка-инвалида? Какими приемами изображает его состояние, переживания, чувства? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

Повесть «Мальчик, которому не больно» еще не получила достаточного рассмотрения в литературоведении. Исследователи обращаются к ней в контексте анализа произведений о горьких детских судьбах: Т. А. Федяева [Федяева, 2015, с. 6-11], Л. У. Звонарева [Звонарева, 2015, с. 87-97] дают отсылки к повести, обращаясь к разбору таких произведений А. Лиханова, как «Сломанная кукла», «Слётки», «Никто». Н. Ю. Жуланова в статье «Рыцарь детства: о парных книгах А. Лиханова» [Жуланова, 2015, с. 78-86] анализирует сюжет, нравственную проблематику повести, рассматривает некоторые приемы поэтики. К изучению же мастерства А. А. Лиханова в раскрытии внутреннего мира ребенка-инвалида пока делают первые подходы [Филонова, 2019, с. 91-96].

Актуальности нашего исследования способствует и тот факт, что изображение жизни ребенка-инвалида – достаточно редкое явление в детской и подростковой литературе. Книжки на эту тему можно перечислить по пальцам, и не каждому автору удастся правдиво сказать о трагедии ребенка. Например, повесть Т. Ш. Крюковой «Костя + Ника =>» (1996) [Крюкова, 2001] о любви между мальчиком из небогатой семьи и больной девочкой, неспособной ходить, дочерью преуспевающей

художника, часто вызывает негативные высказывания. Критики указывают на «незнание правды о больном человеке и даже намеренную неправду о его психологии», говорят о том, что «читать эту „мыльную оперу“ смешно и неприятно» [Распопин, 2019а].

На наш взгляд, Т. Крюкова создает образ несчастной девочки-подростка, целиком следуя «заезженным» мелодраматическим клише: за внешней капризностью, резкостью, жалостью к себе скрывается ранимая, жаждущая любви и понимания душа. Образ Ники трудно назвать характером: в нем нет индивидуальности, в повести отсутствует художественное исследование психологии, внутреннего мира ребенка-инвалида.

Содержание и язык произведений Т. Крюковой жестко оценивает и О. Громова, главный редактор журнала «Библиотека в школе». В предисловии к статье О. Корф «О книгах Т. Крюковой» она указывает на штампы, неуместные красоты, «языковое дурновкусие» в текстах писательницы [Корф, 2008].

Разноречивые критические оценки высказываются и в адрес повести Е. В. Мурашовой «Класс коррекции» [Мурашова, 2007] о трагической судьбе мальчика Юры, прикованного к инвалидному креслу. По словам В. Н. Распопина, критика и обозревателя Новосибирской областной детской библиотеки им. А. М. Горького, «Юра получился слишком линейным, слишком, с первых страниц, обречённым и в итоге безжизненным. Впрочем, тут, думаю, не вина писательницы, а её беда. НЕ ЧИТАЕТСЯ вся эта фэнтезийная история как несбыточная мечта о невозможном счастье несчастного мальчишки-инвалида, а видится как пришитые друг к другу наспех белыми нитками тетрадки из разных книжек» [Распопин, 2019б]. Л. Тибонье рассматривает повесть как «приглашение читателя-подростка к работе над собой, урок в преодолении внутренних конфликтов и травм, возможность найти ключи к решению своих личных психологических проблем» [Тибонье, 2015, с. 160].

Художественная убедительность, правдивость произведений А. Лиханова не вызывает сомнений ни у литературоведов, ни у критиков. Его коллега по писательскому цеху В. Железников утверждает: «Лиханов не спекулирует на горестях жизни, на откровенности, на интимном. От откровенности он идет к откровению» [Железников, 2015, с. 5]. В творчестве писателя обнаруживается живая связь с духовным и художественным миром русских классиков: Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и

Ф. М. Достоевского [Железников, 2015, с. 6].

Безусловно, А. Лиханов, создавая образ ребенка, страдающего детским церебральным параличом, не следует буквально психофизиологическим характеристикам детей с ДЦП, данным в медицинской литературе. Психика героя основывается на авторском замысле, неизбежно являясь художественной условностью.

Рассматривая приемы создания внутреннего мира героя, мы будем использовать термин «психологизм». В отечественном литературоведении проблему художественного психологизма исследовали Г. Н. Пospelов [Пospelов, 1970], В. В. Компанеец [Компанеец, 1980], И. В. Страхов [Страхов, 1973], Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, 1971], А. Б. Есин [Есин, 2003], [Есин, 1988] и др. В понимании термина мы опираемся на определение А. Б. Есина: «Психологизм – это достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей и переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств литературы» [Есин, 1988, с. 18].

Исследователи говорят о двух доминирующих формах психологизма в литературе:

1. Изображение внутренней жизни человека «извне», с точки зрения стороннего наблюдателя, через описание, характеристику внешних проявлений тех или иных эмоций, состояний – мимика, жест, поступок, психологический портрет и пейзаж и т. п. Читатель должен осмыслить, сопоставить предложенные ему факты и сделать выводы о том, что происходит в душе героя произведения – *косвенная форма*.

2. Герой раскрывается «изнутри» – через внутренний монолог, исповедь, дневники, письма, в которых он сам рассказывает о своем состоянии, либо через прямые авторские комментарии, размышления о чувствах персонажа – *прямая форма*.

А. Б. Есин указывает на возможность еще одного, третьего способа сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа – с помощью названия, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают в его внутреннем мире, и предлагает назвать такую форму психологизма «*суммарно-обозначающей*» [Есин, 1988, с. 13]. «Суммарно-обозначающая» форма не предполагает аналитических усилий со стороны читателя – чувство точно названо, обозначено.

Помимо форм литературоведы выделяют *приемы и способы* изображения внутреннего мира человека. О сложности систематизации приемов и способов психологизма в литературе свидетельствует попытка исследования этой проблемы в

работах А. Б. Есина. Он отмечает, что существует множество приемов психологического изображения: это и организация повествования, и использование художественных деталей, психологический анализ и самоанализ, внутренний монолог, пейзаж и др.

Все названные формы и приемы создания психологизма существуют как во взрослой, так и в детской (подростковой) литературе.

В повести «Мальчик, которому не больно» использована прямая форма психологического изображения: герой сам раскрывает свой внутренний мир. Он прямо называет свои чувства, эмоции, говорит о своем состоянии. Среди приемов психологизма следует выделить

- организацию повествования от первого лица: герой одновременно выступает и в качестве рассказчика;
- название героем своих чувств и описание своих поступков, поведения, их мотивов;
- передачу внутреннего состояния через детали речи (в том числе внутренней), вещного мира, портрета, пейзажа;
- использование метафорических образов для передачи мысли и чувства);
- цветопись.

Покажем их проявления в произведении.

Повествование от первого лица дает возможность услышать голос самого ребенка, увидеть его внутренний мир непосредственно, вне авторского объяснения его поступков и переживаний. Мальчику (у героев повести нет имён собственных, это обобщенные образы ребенка, Папы, Мамы, Бабушки, Священника), вероятно, около семи лет. Точного указания на возраст нет, но по некоторым деталям его можно восстановить: в одном из эпизодов говорится, что герой должен пойти в школу; в другом – упоминается, что третьеклассники, которых приводят к нему для общения, старше Мальчика на два-три года.

Однако порой при чтении возникает чувство, что повествование ведется взрослым человеком – умным, с большим жизненным опытом, хорошо образованным, тонко чувствующим слово. Вот, например, одна из пейзажных зарисовок: «Трава, пробиваясь острыми копыями сквозь прошлогодние пожухлые листья, взлетает ввысь, застилая землю ковром, и так вокруг ясно и чисто, что мне почему-то хочется плакать» [Лиханов, 2009]. Трудно поверить, что так думает и говорит ребенок 6-7 лет. Или в философских разговорах с Папой и Бабушкой встретится его сентенция: «Дети бывают глупы, потому что не знают. А взрослые –

потому что знают». Папа даже переспрашивает сына: «Как-как?» [Лиханов, 2009]

Можно рассматривать эти фрагменты как примеры несоответствия мышления и речи возрасту героя, но мы объясняем эту «взрослость» авторской убежденностью в том, что болезнь обостряет эмоции, усиливает переживания, делает более зрелым ум. Не случайно Мальчик объясняет: «Наверное, они [герои-взрослые] не думали, что больные люди могут оказаться чувствительнее их. Догадливей. Смышлёнее.

Болезнь лишает человека чего-то важного в одном месте. Зато добавляет в другом.

Слепые, я думаю, лучше слышат. А глухие лучше видят.

А могут ли, к примеру, дети с церебральным параличом лучше соображать? Уверен в этом» [Лиханов, 2009].

Болезнь сделала Мальчика и гораздо более терпеливым, чем сверстники. Терпение как одна из черт его характера лейтмотивом проходит через все произведение: о терпении он разговаривает с паучком, с Бабушкой, с другими детьми в интернете:

— Я восхищаюсь твоим терпением, Чок! – говорил я ему. И говорил за него в ответ:

— Так уж всё устроено, Чик. И у нас, и у вас. Надо терпеть. Тот, кто не может вытерпеть, погибает [Лиханов, 2009].

Лишь раз прорывается в нём ропот на свое положение: «...Что со мной будет? Вот пройдет Ангина, исчезнет, отбежит в сторону. Но никуда не уходил Паралич-Параличевич.

Какое же у него нерусское имя! И какой он неотступчивый, в конце-то концов! Что мне делать, если он схватил меня за ноги и держит их изо всех сил! Почему я всю жизнь должен лежать в кровати, так и не научившись ходить? За какие-то такие мои провинности и грехи?

Их у меня нет!» [Лиханов, 2009].

Недетский ум и чувствительность объясняются и постоянным одиночеством Мальчика. Да, рядом семья: часто заходит в комнату Бабушка, вечером приходит Папа, изредка забегает Мама, но ... «...я один в своей комнате», «Я снова один, как Чок в своём гамаке» [10]. Одиночество располагает к тому, чтобы постоянно о чем-то думать. Мальчик так и говорит о своем времяпрепровождении: «Подумаю, почитаю». Степень одиночества героя такова, что его другом становится ... паучок, который свил паутинку рядом с тумбочкой. С ним Мальчик разговаривает, о нем думает и заботится. В размышлениях о паучке виден сам процесс

«думания» ребенка, его умения подобрать нужное, точное слово: «Зачем он сделал эту свою сеть?

И так ясно – чтобы поймать кого-нибудь. Какою-нибудь мошку, муху, комара, моль. Вообще, что-нибудь живое. Поймать – и съесть. Вернее, высосать соки.

Насытиться (курсив наш. – Ю. Ф.). Вот.

Не скажешь же – пожрать, полопать или даже – покушать. Все эти слова не подходят.

А насытиться? Пожалуй, подходит. И для чего – ясно: чтобы жить [Лиханов, 2009].

После знакомства с таким размышлением, поиском нужного слова красивые пейзажные зарисовки или умные мысли уже не кажутся несоответствием.

Богатый словарь, книжные обороты речи происходят от любви к чтению, которую привили Мальчику Папа и Бабушка: «Папа прочитал мне много сказок и вместе с Бабушкой выучил грамоте. Теперь я люблю читать. Папа – единственный человек, который привозит мне новые цветные книги – ведь бабушка не выходит из дому из-за меня, а Мама работает допоздна» [Лиханов, 2009].

Одиночество и чтение развили в герое необычайную наблюдательность, внимание ко всему, что окружает. Мальчик замечает мельчайшие изменения в мире семьи, для этого ему достаточно одной детали: надпись «Мальчику» на шоколадке, сделанная не маминой рукой, щетина на щеках у Папы, новый звук бабушкиных тапочек при ходьбе красноречиво говорят о горе, обрушившемся на семью после маминого предательства. Внимательный взгляд Мальчика усиливается говорящей деталью: один из любимых предметов героя – лупа, «чудесная линза в золотом ободке с белой ручкой» [Лиханов, 2009], через которую он разглядывает Чока.

Детали внешнего мира, пейзажа также связаны с внутренним миром героя, здесь уместно говорить о приёме психологического параллелизма: «А в тот раз, когда мы покормили Чока и ушли, было ещё холодновато. Сияло вечернее солнце, повесили головки подснежники. Настало время между ночью и вечером. По имени «сумерки».

Сумерки были и на душе – и у меня, и у Папы. А я не хотел, чтобы они были не только в природе, но и на душе» [Лиханов, 2009].

Созвучие чувств ребенка и состояния природы очевидно в этом эпизоде.

Помимо наблюдательности герой обладает и богатым воображением: так, он представляет ангину в виде женщины, «белой, как пломбир, в широком кружевном платье – одной рукой по-

старинному держалась за край подола, а улыбка у неё была холодная, даже мёрзлая, совсем застывшая, неживая» [Лиханов, 2009].

Вполне естественно, что такой умный, наблюдательный, с развитой речью ребенок может точно выразить в слове чувства и переживания, владеющие им. В каждом важном с психологической точки зрения эпизоде Мальчик называет свои чувства. Например, когда перестала приезжать Мама: «Я не хмурился, не злился, не плакал. Я просто просил Бабушку отложить посылку в сторону»; или когда в семье начались тревожные для Мальчика разговоры: «*Меня охватил какой-то озноб от этого обсуждения*. В первый раз обо мне при мне говорили как об отсутствующем»; «Я сразу сжался. Я совсем в кокон свернулся. Была бы моя воля, замотался бы бинтами с головой. Или хотя бы одеялом накрылся» [Лиханов, 2009].

Еще один приём изображения мыслей и чувств Мальчика – образы-метафоры. Первой появляется метафора подземного озера. Так называет Мальчик больницу, в которую его отправляют «усиленно лечить». Попав туда, дети становятся «невидимками» для обычных здоровых людей: «Не видно же в песочницах детей, завербованных Церебральным Параличом. Нету в детсадах ракушников – больных раком. Нету вичей, ВИЧ-инфицированных, есть такая неизлечимая зараза. А туберкулезников вы видали?» Герой представляет, что неизлечимо больные дети «сливаются» через огромную трубу в это подземное озеро и «бултыхаются в нём при свете факелов – в тёплой, морской, очень прозрачной воде» [Лиханов, 2009].

Одно упоминание о том, что нужно будет снова туда лечь, вызывает у рассудительного, спокойно-го ребенка истерику. Причина такой реакции в том, что в больнице особенно остро осознается невозможность излечения, в поведении медиков Мальчик видит лишь «беспомощное враньё», а на их лицах – «лживые медицинские улыбки». Безысходность, ощущение того, что ещё при жизни оказываешься в темноте подземного озера, передаёт эта страшная метафора.

Контраст, которым заканчивается глава, придает особую силу переживаниям Мальчика. Его ждет «подземное озеро», а Мама вместо того, чтобы быть с ним, улетает на Лазурный берег. Солнечный свет, благополучие, здоровье так и исходят от этого словосочетания.

В одной из заключительных глав появляется метафора черного поля. Произносит эти слова Священник, навещая Мальчика в интернате: «Ты многое умеешь, но теперь надо поучиться друго-

му: перейти это... чёрное поле». Метафора не только воплощает все беды, которые пришлось пережить ребенку: предательство матери, смерть отца, болезнь бабушки, но и передает его внутреннее ощущение черноты жизни: «Я переворачивался с боку на бок в своей черноте, я валялся в ней. Мне не хватало воздуха и света. Их не было вообще» [Лиханов, 2009].

Одна из самых ярких метафор, рисующих психологическое состояние героя – метафора порога. Такое название – «Порог» – дано последней главе повести, отчего значение образа усиливается. В литературе, философии порог – символ перехода, переходного состояния человека. Часто – перехода в мир иной. Однако для Мальчика этот порог, «порожек» – олицетворяет не смерть, а жизнь, новое рождение: «Я ползу через него, к нему тесно прижимаясь зачем-то. < > Ползу, обдираясь. Причем больно не только животу, плечам, рукам, но и спине тоже. Будто сверху такой же шершавый порожек. И по бокам. Словно пролезаю я через какой-то плохо обработанный деревянный ящик». Боль, выход наружу и – встреча с матерью, не во сне, наяву: «И Мама кричит, обнимая меня: – Слава Богу! Ему больно!» [Лиханов, 2009]. Развязка повести – хэппиэнд, свершившееся чудо. Оно настолько поражает Мальчика, что в душе его соединяются два противоположных чувства: «Я в ужасе. И в восторге» [Лиханов, 2009].

Цветопись также становится приемом передачи эмоций и чувств. Особенно контрастны цвета в финальной главе. Дверь в палату становится границей света и тьмы: «И тут я вижу, что дверь в нашу палату раскрывается.

У нас – темно, а там, в коридоре, ярко горит лампочка, и она освещает сверху фигуру Батюшки». На черном фоне рясы еще более ярким становится свет от золотого креста: «широкие рукава его чёрной одежды почти закрывают дверь, и на его груди сияет золотой крест» [Лиханов, 2009].

Не только золотой крест, – «всё сияет» в этой сцене: золотая риза богородицы на иконе, серебряный плащ матери, даже боль, «как молния», пронзает героя. Свет пронизывает героя даже изнутри: «И тут всё во мне вспыхивает». Это не только вспышка боли, это свет надежды на исцеление, не только физическое, но и душевных ран.

Таким образом, в повести создается образ ребенка, преодолевающего тяжелые испытания, способного побороться за свою жизнь. Основу этой силы составляет терпение – качество, часто несвойственное, незнакомое ребенку здоровому. Внутренний мир больного ребенка оказывается не

менее, а порой и более богатым, чем у его обычного сверстника. Одиночество, изолированность от внешнего мира, общества ровесников «переключают» его на общение с книгами, природой, взрослыми членами семьи. Развитое воображение, внимание к обыденным вещам, размышление над ними позволяют ребенку увидеть интересное в самых незаметных и неожиданных для обычного человека предметах, явлениях, найти друга даже в паучке. Наблюдательность, чуткость к проявлениям чувств окружающих людей, жизни природы расширяют границы его мира.

А. А. Лиханов использовал в повести как традиционные для литературы приемы создания психологизма: повествование от первого лица; детали речи, портрета, пейзажа, вещного мира; название чувств, состояния, переживаний, так и специфические, свойственные его писательскому мастерству: цветопись, образы-метафоры. Комплекс этих приемов многосторонне изображает внутренний мир ребенка-инвалида, а также воздействует на читателя, который проникается к герою не только и не столько жалостью, сколько сочувствием и уважением.

Библиографический список

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Ленинград : Советский писатель, 1971. 464 с.
2. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Москва : Флинта, Наука, 2003. 248 с.
3. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. Москва : Флинта, НОУ ВПО «МПСИ», 1988. 176 с.
4. Жуланова Н. Ю. Рыцарь детства: о парных книгах А. Лиханова // Вестник детской литературы. 2015. Вып. 10. С. 78-86.
5. Железников В. К. К 80-летию А. А. Лиханова // Вестник детской литературы. 2015. Вып. 10. С. 5-6.
6. Звонарева Л. У. Сострадательное наклонение по Альберту Лиханову // Вестник детской литературы. 2015. Вып. 10. С. 87-97.
7. Компанец В. В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). Ленинград : Наука: Ленингр. отделение, 1980. 113 с.
8. Корф О. О книгах Тамары Крюковой // Библиотека в школе. 2008. № 19. URL: <https://lib.1sept.ru/index.php?year=2008&num=19> (дата обращения: 10.09.2019)
9. Крюкова Т. Ш. Костя+ Ника. Москва : АСТ, Астрель, 2001. 320 с.
10. Лиханов, А. А. Мальчик, которому не больно. URL: https://royallib.com/book/lihanov_albert/malchik_kotoromu_ne_bolno.html (дата обращения: 03.02.2020)

11. Мурашова Е. В. Класс коррекции. Москва : Самокат, 2007. 192 с.

12. Поспелов Н. Г. Проблемы литературного стиля. Москва : МГУ, 1970. 330 с.

13. Распопин, В. Н. О плохом романе, хороших страшилках и замечательном путешествии на остров, где откармливают лемуру. URL: www.maxlib.ru/page.php?article=45 (дата обращения: 05.09.2019а)

14. Распопин В. Н. Полоса отчуждения Екатерины Мурашовой, или Три ступени вниз по лестнице, которая должна была вести вверх (повести «Обратно он не придёт!»; «Барабашка – это я»; «Класс коррекции», «Гвардия тревоги»). URL: www.maxlib.ru/page.php?article=45 (дата обращения: 05.09.2019б)

15. Скафтымов А. П. О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого // Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. Москва : Художественная литература, 1972. 543 с.

16. Страхов И. В. Психологический анализ в литературном творчестве. В 2 ч. Ч. 1. Саратов, 1973. 118 с.

17. Тибонье Л. Путешествие к истокам психики в повестях Ольги Колпаковой «Как рассердилась кикимора» и Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» // Детские чтения. 2015. Т. 8. № 2. С. 160-172.

18. Федотова Е. В. Герой и время в повестях А. Лиханова // Тверской государственный университет. Тверь, 2006.

19. Федяева Т. А. Детство как территория счастья и трагедии // Вестник детской литературы. 2015. Вып. 10. С. 6-11.

20. Филонова Ю. А. Приёмы создания психологизма в повести А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» // Детская книга: издательские стратегии и актуальные читательские практики. Ярославль, 2019. С. 91-96.

Reference List

1. Ginzburg L. Ja. O psihologicheskoj proze. = On Psychological Prose. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1971. 464 s.
2. Esin A. B. Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija. = Principles and Techniques of Analysis of a Literary Work. Moskva : Flinta, Nauka, 2003. 248 s.
3. Esin A. B. Psihologizm ruskoj klassicheskoj literatury. = Psychologism of Russian Classical Literature. Moskva : Flinta, NOU VPO «MPSI», 1988. 176 s.
4. Zhulanova N. Ju. Rycar' detstva: o parnyh knigah A. Lihanova = Knight of Shildhood: about Albert Likhonov's Paired Books // Vestnik detskoj literatury. 2015. Vyp. 10. S. 78-86.
5. Zheleznikov V. K. K 80-letiju A. A. Lihanova = On Occasion of Albert Likhonov's 80th Anniversary // Vestnik detskoj literatury. 2015. Vyp. 10. S. 5-6.

6. Zvonareva L. U. Sostradatel'noe naklonenie po Al'bertu Lihanovu = Compassionate Mood by Albert Likhhanov // Vestnik detskoj literatury. 2015. Vyp. 10. S. 87-97.
7. Kompaneec V. V. Hudozhestvennyj psihologizm v sovetskoj literature (1920-e gody). = Artistic Psychologism in the Soviet Literature (1920s). Leningrad : Nauka: Leningr. otdelenie, 1980. 113 s.
8. Korf O. O knigah Tamary Krjukovoj = On Books by Tamara Kryukova // Biblioteka v shkole. 2008. № 19. URL: <https://lib.1sept.ru/index.php?year=2008&num=19> (data obrashhenija: 10.09.2019)
9. Krjukova T. Sh. Kostja+ Nika. = Kostya+Nika. Moskva : AST, Astrel', 2001. 320 s.
10. Lihanov, A. A. Mal'chik, ktoromu ne bol'no. = The Boy who Feels No Pain. URL: https://royallib.com/book/lihanov_albert/malchik_kotoromu_ne_bolno.html (data obrashhenija: 03.02.2020)
11. Murashova E. V. Remedial Class Klass korrekcii. Moskva : Samokat, 2007. 192 s.
12. Pospelov N. G. The Problems of Literary Style = Problemy literaturnogo stilja. Moskva : MGU, 1970. 330 s.
13. Raspopin, V. N. O plohom romane, horoshih strashilkah i zamechatel'nom puteshestvii na ostrov, gde otkarmlivajut lemurov. = About a Bad Novel, Spook Stories and a Remarkable Trip to the Island where They Feed Lemurs. URL: www.maxlib.ru/page.php?article=45 (data obrashhenija: 05.09.2019a)
14. Raspopin V. N. Polosa otchuzhdenija Ekateriny Murashovoj, ili Tri stupeni vniž po lestnice, kotoraja dolzhna byla vesti vverh (povesti «Obratno on ne pridjot!»; «Barabashka – jeto ja»; «Klass korrekcii», «Gvardija trevogi»). = The Isolation Space of Ekaterina Murashova, or Three Steps down the Stairs, which was Supposed to Lead up (the stories 'He will not come back!'; 'The Boggart is me'; 'Remedial Class', 'Anxiety Guard'). URL: www.maxlib.ru/page.php?article=45 (data obrashhenija: 05.09.2019b)
15. Skaftymov A. P. O psihologizme v tvorcestve Stendalja i L. Tolstogo = On Psychologism in the Works by Stendhal and Leo Tolstoy // Nравstvennye iskanija russkih pisatelej: stat'i i issledovanija o russkih klassikah. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1972. 543 s.
16. Strahov I. V. Psihologicheskij analiz v literaturnom tvorcestve. = Psychological Analysis in Creative Writing. V 2 ch. Ch. 1. Saratov, 1973. 118 s.
17. Tibon'e L. Puteshestvie k istokam psihiki v povestjah Ol'gi Kolpakovoj «Kak rasserdilas' kikumora» i Ekateriny Murashovoj «Klass korrekcii» = A Journey to the Origins of the Psyche in the Stories by Olga Kolpakova 'How the Witch Got Angry' and 'Remedial Class' by Ekaterina Murashova // Detskie chtenija. 2015. T. 8. № 2. S. 160-172.
18. Fedotova E. V. Geroj i vremja v povestjah A. Lihanova = The Hero and Time in the Stories by Albert Likhhanov // Tverskoj gosudarstvennyj universitet. Tver', 2006.
19. Fedjaeva T. A. Detstvo kak territorija schast'ja i tragedii = Childhood as a Territory of Happiness and Tragedy // Vestnik detskoj literatury. 2015. Vyp. 10. S. 6-11.
20. Filonova Ju. A. Prijomy sozdanija psihologizma v povesti A. A. Lihanova «Mal'chik, ktoromu ne bol'no» = Techniques for Creating Psychologism in the Story by Albert Likhhanov 'The Boy Who Feels No Pain' // Detskaja kniga: izdatel'skie strategii i aktual'nye chitatel'skie praktiki. Jaroslavl', 2019. S. 91-96.